

П. А. Сорокин

ЗАМЕТКИ СОЦИОЛОГА: СЛАВЯНОФИЛЬСТВО НАИЗНАНКУ*

Когда-то Достоевский сказал: «Дайте русскому школьнику, ничего не знающему в астрономии, карту неба, и он на второй день принесет вам ее исправленной».

Эта характерная для нас, русских, черта всего резче выявилась в славянофильстве как в цельном мировоззрении относительно спасительной роли России и ее превосходстве по сравнению с западными народами.

«Россия покорит мир своими порядками», восклицал Кошелев.

«Мы вынесем из Европы шестую часть мира... Зерно будущего развития человечества. Россия может сделаться орудием Провидения», писал Шевырев, противопоставляя Россию «гнилому Западу».

«Моему отечеству суждено явить миру плоды вожденного вселенского просвещения и освятить западную пытливость восточной верой», с той же самонадеянностью писал и Погодин.

Еще резче ту же мысль выражали Краевский, Киреевский, Одоевский, Аксаков и другие славянофилы. «Народ — богоносец», кратко заявлял Аксаков. «Могущество сил, уделенных нам Провидением, так огромно, что его хватило бы не только на наше собственное усовершенствование, но и на то, чтобы влить в человечество целый мир новых идей, оздоровить Запад и спасти его. «Будет русское завоевание Европы, писал Одоевский, но духовное, ибо один русский ум может соединить хаос европейской учености, отрясти прах всех авторитетов и превзойти их».

Все славянофильство было проникнуто идеей, что Россия выше других народов, что ей почти нечему учиться у Запада, тогда как Западу есть чему поучиться у нас, что Запад прогнил и что задача нашей страны — спасти Запад и человечество, придти им на помощь.

Все это говорилось убежденно и искренне. «Русский школьник», в лице славянофилов, только что кое-чему научившийся у Запада, уже третировал его, и, в своем лице, бедную, темную, крепостную Россию, возводил на роль учителя и спасителя «прогнившего, запутавшегося в своих умствованиях» Запада.

Эта картина достойна внимания. О ней не мешает вспомнить и теперь, ибо славянофильство в различных формах не умирало и живет до сих пор. Теперь же оно в особой моде.

Говоря это, я имею в виду, прежде всего, большевизм наших дней, а косвенно и значительную часть нашей революционной демократии.

Разве большевизм не представляет того же славянофильства наизнанку? Вглядитесь в его идеологию, прислушайтесь к его фразеологии, к статьям, заданиям и речам большевиков и вы не можете не поразиться полным его сходством с основным содержанием славянофильства. «Русская революционная демократия — передовой авангард мирового социализма».

«Мы застрельщики революции».

«Мы должны придти на помощь западноевропейскому пролетариату в его борьбе с империализмом. Мы должны помочь ему».

* Питирим Сорокин. «Воля народа». № 51, 28 июня 1917 г.

«Мы показали, как следует бороться за мир и вести классовую борьбу. Пусть наши западные товарищи поучатся у нас».

«Мы должны спасти мир от войны и мы его спасем».

«Пусть знает западный пролетариат, что в своей борьбе он может рассчитывать на наш опыт, умение, волю и полную поддержку».

Эти гордые фразы — обычны в устах большевика. Ими грешила и значительная часть нашей революционной демократии.

Опьянев от удачи, возомнив себя и в деле «авангардом и передовым отрядом мирового социализма», мы, подобно славянофилам, уверовали, что и впрямь мы спасители человечества, что западный пролетариат может рассчитывать на нашу великодушную поддержку, что мы милостиво готовы учить его и не отказываемся принять на себя великую миссию спасения человечества от войны и от всех зол империализма.

Уверовав в сие — мы гордо обратились с воззваниями к «народам мира» и послали на Запад аргонатов искать и добывать мир всему миру. Больше того. Согласно формуле Ленина, Россия уже переросла формы демократической республики. Она, по его мнению, может претендовать на большее: на правительство типа Парижской Коммуны. Запад еще не дорос до правительства, состоящего из социалистического большинства, а мы уже требуем диктатуры пролетариата. «Омещавшийся» Запад никак не додумался до явочного установления мира, мы додумались. Обуржуазившаяся западная демократия не посмела провозгласить и осуществить теперь же «беспощадную войну до победы над капиталом». Большевики додумались. Они со смелостью «передового авангарда» изо дня в день провозглашают беспощадную войну крестьян с помещиками, рабочих с капиталистами и революционной демократии — с мировым империализмом.

Империалистический Запад не в силах восстановить Интернационал. Мы смело беремся за эту задачу.

Что же все это, как не славянофильство на изнанку? Разве нет здесь того же самонения, которой было у славянофильства? Разве не идет здесь речь о той же провинциальной роли России, которую вели и славянофилы? И кто это говорит? Марксисты, большевики, всегда упрекавшие народников в симпатии к славянофильству и требовавшие выварки России в фабричном котле.

Когда видишь, как маленькие, ничем не одаренные, ничего не давшие человечеству надевают на себя тогу спасителей мира, когда свихнувшиеся российские интеллигенты Луначарские и Троцкие, Ленины и Зиновьевы, и еще хуже того, люди подобные Поссе, всю жизнь блуждавшие в трех соснах, выступают в роли чуть ли не «Спартак»ов», сиречь помазанников и избранных вождей мира, когда видишь, как темный, до 80% своих членов безграмотный, а в остальной части — едва умеющий читать и писать российский пролетариат, не имеющий опыта борьбы, под гипнозом революционной фразеологии всерьез начинает думать, что он и впрямь «передовой, самый просвещенный и самый лучший отряд Интернационала», — когда видишь все это, невольно вспоминаются славянофилы и «русский школьник» Достоевского...

Когда же на митингах и в газетах слышишь эти речи и теперь — теперь, когда революция бьется в судорогах истощения, когда Россия гибнет от темноты, невежества, дикости, неумения жить и неумения созидать, когда жизнь наносит удар за ударом и показывает всю нашу отсталость, невольно становится досадно, стано-

вится неловко и за нашу революционную демократию, и за ее «вождей» перед западными братьями и товарищами.

Если в прошлом претензии славянофилов едко были осмеяны рядом лиц и в особенности Чаадаевым, то что же могут сказать о нас западные вожди социализма и западный пролетариат.

Не вправе ли они повторить по нашему адресу слова великого Чаадаева: «Одинокие в мире, мы (русские) ничего не дали миру, мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума и все, что нам досталось от этого прогресса, исказили... Нам, русским, не достает последовательности в уме и мы не владеем силлогизмом Запада... Мы растем, но не созреваем, движемся вперед, но по кривой линии, которая не ведет к цели, мы подобны детям, которых не приучили правильно мыслить». Не вправе ли будут западные товарищи, подобно Чаадаеву, и теперь сказать о нас: «Мы, русские, не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода, мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку. У нас нет традиций ни того, ни другого, и мы не затронуты всемирным воспитанием человечества». Не могут ли они повторить и о нашей революции то же, что говорил великий западник о нашей истории: варварство, грубое невежество и свирепое и унижительное владычество искаженных и дурно понятых идей Запада.

Они вслух этого не говорят, ибо они достаточно воспитаны. Но дипломатичный и любезный отказ их идти на Стокгольмскую конференцию после проявления бессилья и неорганизованности нашего «передового авангарда» не есть ли молчаливый, но красноречивый приговор их над нами.